

Научная статья

УДК 347.512

DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1596

Sun Yupeng

Postgraduate of Institute of Philosophy and Law,
specialty 5.1.3 —
Private law (civilistic) sciences,
Novosibirsk National Research
State University
Novosibirsk, Russian Federation
16601236420@163.com

Сунь Юйпэн

аспирант Института философии и права,
специальность 5.1.3 —
Частно-правовые (цивилистические) науки,
Новосибирский национальный исследовательский
государственный университет
Новосибирск, Российская Федерация
16601236420@163.com

ПРИНЦИПЫ ПРИМЕНЕНИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРИЧИНЕНИЕ ВРЕДА ИСКУССТВЕННЫМ ИНТЕЛЛЕКТОМ: НА ПРИМЕРЕ КИТАЯ И РОССИИ

5.1.3 — Частно-правовые (цивилистические) науки

Аннотация. В статье на основе сравнения условий установления деликтной ответственности в Китае и России анализируются сходства и различия в применении принципов ответственности за правонарушения в обеих странах. Основное внимание уделяется условиям применения системы ответственности за товарную продукцию, системы, связанной с источниками повышенной опасности, а также системы общей деликтной ответственности для регулирования рисков, связанных с искусственным интеллектом (ИИ), подразделяемым на два типа: физически-интерактивный и информационно-интерактивный. Автор рассматривает применимые гражданско-правовые принципы распределения ответственности при регулировании рисков, которые могут возникнуть в процессе применения этих двух типов технологий ИИ.

Автор полагает, что в отношении физически-интерактивного ИИ, обладающего высокой степенью опасности, может применяться принцип абсолютной безвиновной ответственности, что способствует защите гражданских прав и интересов субъектов. Однако в отношении

физически-интерактивного ИИ, не обладающего высокой степенью опасности, в определенных условиях может применяться ответственность за товарную продукцию.

Что касается информационно-интерактивного ИИ, в статье на примере генеративного ИИ выделяются юридические особенности поставщика услуг генеративного ИИ как особого субъекта ответственности. Обосновывается, что поставщик услуг генеративного ИИ предоставляет именно услуги по генерации контента, в связи с чем к нему неприменима безвиновная ответственность. Вместо этого должна применяться ответственность на началах вины, и юридическая ответственность такого поставщика наступает лишь при наличии вины и соблюдении установленных законом условий.

Ключевые слова: искусственный интеллект, деликт, источник повышенной опасности, генеративный искусственный интеллект, ответственность за вину, Китай, гражданско-правовая ответственность, ответственность за продукцию, безвиновная ответственность, оказание услуг

Для цитирования: Юйпэн С. Принципы применения ответственности за причинение вреда искусственным интеллектом: на примере Китая и России // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 2(75). С. 268—272. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1596.

Original article

PRINCIPLES OF LIABILITY FOR HARM CAUSED BY ARTIFICIAL INTELLIGENCE: THE CASE OF CHINA AND RUSSIA

5.1.3 — Private law (civilistic) sciences

Abstract. This article, by comparing the conditions for establishing tort liability in China and Russia, analyzes the similarities and differences in the application of tort liability principles between the two countries. It focuses on the applicability of product liability, liability for ultra-hazardous activities, and general tort liability in regulating tort risks arising from artificial intelligence (AI). AI is categorized into two types: physically interactive AI and information-interactive AI. The article respectively explores the civil liability principles applicable to regulating the tort risks that may arise from the application of these two types of AI technologies.

The article argues that absolute no-fault liability may be applied to physically interactive AI with a high degree of danger, which helps protect the civil rights and interests of legal

subjects. However, applying no-fault liability to physically interactive AI without a high degree of danger would hinder technological innovation.

Regarding information-interactive AI, taking generative AI as an example, this article identifies the legal characteristics of the generative AI service provider as a special subject of liability. It points out that generative AI service providers offer generative services, making no-fault liability inappropriate. Instead, fault-based liability should apply, and legal responsibility should only be borne when there is fault and statutory conditions are met.

Keywords: artificial intelligence, tort, source of increased danger, generative artificial intelligence, fault-based liability, China, civil liability, product liability, no-fault liability, provision of services

For citation: Yupeng S. Principles of liability for harm caused by artificial intelligence: the case of China and Russia. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law.* 2026;2(75):268—272. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1596.

Введение

Актуальность. Гражданско-правовые последствия, возникающие в результате применения технологий искусственного интеллекта (далее — ИИ) субъектами гражданского права в производственной и повседневной деятельности, подлежат регулированию нормами гражданского законодательства, например: распределение ответственности за причинение вреда в случаях правонарушений, совершенных человекоподобными роботами, оснащенными системами ИИ, и платформами генеративного ИИ в отношении субъектов гражданского права.

Согласно действующим гражданско-правовым системам Китая и России, ИИ не является субъектом гражданско-правовой ответственности. В рамках законодательства о деликтной ответственности необходимо рассматривать вопросы ответственности за правонарушения соответствующих физических лиц, юридических лиц или иных организаций в процессе применения технологий ИИ.

Изученность проблемы определения ответственности за причинение вреда ИИ в работах китайских и российских ученых уже достигла определенного уровня. Например, О. Н. Захарова [1], Л. Ю. Василевская [2] и др. подробно исследовали вопрос о применении ответственности за продукцию к делам о правонарушениях в сфере ИИ.

Некоторые ученые исследуют вопрос о возможности применения к ИИ режима источника повышенной опасности. Ряд российских ученых: А. А. Антонов [3], Д. А. Казанцев [4], И. А. Зырянов [5], Л. Ю. Василевская [6; 7], С. С. Горохова [8], Ю. С. Харитоновна [9] — полагают, что носители технологий ИИ могут регулироваться по правилам ст. 1079 Гражданского кодекса (далее — ГК) РФ. Также некоторые ученые на данной основе углубленно исследуют принципы ответственности в делах о деликтах с участием ИИ, например Д. И. Киямова [10], О. А. Ижаев [11], Д. В. Чемерчев [12]. Китайские ученые, такие как Линь Хуаньминь [13], Янь Сяньби [14], Ван Ин [15], напротив, считают возможным применение к ИИ режима источника повышенной опасности.

Целесообразность разработки темы. Учитывая, что в Китае и России еще не созданы специальные правовые режимы ответственности за причинение вреда ИИ, но развитие технологий ИИ может нарушать гражданские права субъектов, возникает необходимость предварительно определить применимые правила деликтной ответственности. Это имеет теоретическую и практическую значимость.

Цель исследования заключается в сравнении норм ответственности за гражданские правонарушения в сфере ИИ, применяемых в Китае и России, а также в анализе принципов ответственности, которые должны использоваться при определении субъекта, несущего ответственность за причинение вреда.

Задачи исследования:

- проанализировать применимость ответственности за продукцию;
- классифицировать и обсудить принципы ответственности, применимые к различным типам ИИ;
- определить возможность отнесения ИИ к источникам повышенной опасности;
- исследовать условия, при которых применяется принцип вины как основание ответственности.

Научная новизна исследования заключается в выявлении и обосновании возможных путей регулирования правовых вопросов, связанных с гражданскими правонарушениями в сфере ИИ, в рамках гражданского законодательства Китая и России, а также в установлении принципов ответственности, применимых в соответствующих делах, ранее не получивших комплексного освещения в сравнительно-правовой доктрине.

Теоретическая значимость статьи заключается в исследовании теоретической ценности институтов ответственности за продукцию, института источника повышенной опасности и института общих гражданских правонарушений в гражданском законодательстве при регулировании правовых вопросов, связанных с гражданскими правонарушениями в сфере ИИ.

Практическая значимость работы заключается в предоставлении ориентиров для законодателей Китая и России при разработке институтов, связанных с ответственностью за гражданские правонарушения в сфере ИИ, а также в предоставлении правовых ориентиров для судей при рассмотрении соответствующих дел в обеих странах.

Основная часть

Методы и материалы исследования. В данном исследовании комплексно применяются общие и специальные юридические методы, с особым вниманием к сравнительно-правовому методу, изучены гражданско-правовые системы, а также доктрина и судебная практика Китая и России.

Результаты исследования. Китай и Россия имеют сходство в условиях установления деликтной ответственности, разделяя ее на общую (ответственность по вине) и специальную (ответственность без вины). При рассмотрении судьей дела о деликте по правилам об ответственности за вину, необходимо одновременное наличие четырех условий: лицо совершило определенное действие; гражданские права или охраняемые законом интересы потерпевшего были нарушены (наступили вредоносные последствия); существует причинно-следственная связь между действием лица и вредоносными последствиями, понесенными потерпевшим; наличие вины у лица в момент совершения действия. Если судья применяет правила об ответственности без вины, то условие о «вине в момент совершения действия» не требуется, однако принимаются во внимание предусмотренные законом обстоятельства, освобождающие от ответственности.

В гражданских кодексах Китая и России ответственность за вред, причиненный вследствие недостатков товара, является классическим примером ответственности без вины (согласно ст. 1095 ГК РФ и ст. 1203 ГК КНР). Это означает, что не учитывается, наличествовала ли вина у причинителя вреда и существуют ли договорные отношения между ним и потерпевшим. Причинивший вред производитель или продавец соответствующего товара обязан нести гражданскую ответственность, если вред был причинен субъекту гражданского права вследствие существования в товаре недостатка, за исключением случаев, когда они докажут, что вред возник вследствие непреодолимой силы или по вине самого потребителя. Следовательно, при соблюдении условий для применения «ответственности

без вины», если рассматривать ИИ как «товар» в рамках гражданско-правовой системы, то производитель и продавец данного товара будут нести ответственность без вины после причинения вреда потерпевшему.

Для решения вопроса о том, применимы ли в данном случае ст. 1095 ГК РФ и ст. 1203 ГК КНР, необходимо классифицировать ИИ. В настоящей статье ИИ классифицируется на физически взаимодействующий ИИ и информационно-взаимодействующий ИИ.

Физически взаимодействующий ИИ представляет собой в гражданском праве материальный объект, который обычно оснащен системой ИИ и служит носителем соответствующих технологий. В случае деликта система ИИ, воздействуя через такие физические объекты, как роботы, механические собаки (ошибки в программном обеспечении, сбои в работе роботов), устройства автономного вождения, промышленные манипуляторы и т. п., может причинить вред. **Информационно-взаимодействующий ИИ** отличается от физически взаимодействующего ИИ ключевым образом: он причиняет вред гражданским правам и интересам субъектов гражданского права путем генерации информации, а не через физическое воздействие материального объекта. Генеративные системы ИИ являются типичным примером информационно-взаимодействующего ИИ.

Если деликт, вызванный физическим объектом, соответствует условиям применения, установленным ст. 1095 ГК РФ и ст. 1203 ГК КНР, может применяться принцип ответственности без вины. В таком случае ответственность за причиненный вред возлагается на разработчика или продавца ИИ, поскольку они лучше понимают механизм его функционирования и имеют больше возможностей для предотвращения инцидентов с меньшими издержками. Потребитель находится в уязвимом положении при взаимодействии со сложной технологией, и если он не умышленно спровоцировал инцидент, его права и интересы должны пользоваться приоритетной защитой закона.

Помимо ответственности за вред, причиненный вследствие недостатков товара, физически взаимодействующий ИИ может также рассматриваться как источник повышенной опасности, что ставит вопрос о возможности применения принципа ответственности без вины.

Статьи 1236—1244 ГК КНР регулируют ответственность за вред, причиненный источником повышенной опасности. В настоящее время китайский законодатель прямо не относит носители ИИ к таким источникам. Однако если следовать подходу некоторых российских ученых и рассматривать их как источник повышенной опасности, то применяется ст. 1239 ГК КНР, согласно которой владелец или пользователь несет безвиновную ответственность, если не докажет наличие непреодолимой силы или умысла потерпевшего.

Если потерпевший проявил грубую неосторожность, способствовавшую возникновению вреда, то в соответствии с принципом справедливости ответственность владельца или пользователя может быть соответственно уменьшена. Из этого следует, что ГК КНР, как и ГК РФ, также применяет ответственность без вины к регулированию источников повышенной опасности. Цель заключается в использовании строгой ответственности для предотвращения технологических рисков, повышения издержек нарушения закона для производителей (разработчиков) соответствующей продукции и снижения опасностей субъектов гражданского и коммерческого права в отношении использования связанных с ней технологий ИИ.

Однако в Китае большинство ученых не поддерживают включение носителей технологий ИИ в категорию источников повышенной опасности. Если анализировать с точки зрения частного права, применение ответственности за вред, причиненный источником повышенной опасности ко всем видам типам носителей ко всем типам носителей ИИ приведет к негативным последствиям чрезмерного регулирования, что не соответствует требованиям необходимости, соразмерности и сбалансированности правового регулирования для развития отрасли.

Автор полагает, что в будущем законодательстве России и Китая физически взаимодействующие ИИ, обладающие высокой степенью опасности, могут быть отнесены к источникам повышенной опасности, что повлечет применение специальных норм деликтной ответственности. К физически взаимодействующим ИИ могут применяться нормы об ответственности за вред, причиненный вследствие недостатков товаров, работ или услуг. Безвиновная ответственность возникает лишь при соблюдении соответствующих условий применения.

Информационно-взаимодействующий ИИ отличается от физически взаимодействующего ИИ тем, что в обычных условиях он не причиняет физического вреда субъектам гражданского права. Его правовое регулирование может быть обусловлено лишь деликтным характером создаваемого им контента. В данном случае вопрос об источнике повышенной опасности больше не должен рассматриваться.

В силу высокой сложности технологий генеративного ИИ, характеризующихся тесной взаимосвязью между исследованиями и разработками, предоставлением услуг и генерацией контента, в случае совершения деликта с использованием генеративного ИИ могут быть задействованы несколько конкретных субъектов гражданского права. Распределение пропорций ответственности перед третьими лицами между различными субъектами, а также внутреннее распределение ответственности между ними, может осуществляться на основании положений закона или договорных соглашений.

В отношении генеративного ИИ нельзя применять ответственность без вины. Вместо этого необходимо различать различных поставщиков услуг генеративного ИИ и, в зависимости от конкретной причины возникновения деликта, отдельно оценивать, какие поставщики услуг могут быть вовлечены, чтобы определить субъекта правовой ответственности. Иными словами, каждый субъект должен нести различную гражданско-правовую ответственность в соответствии со своей виной, а не безусловно подпадать под принцип ответственности без вины.

Исходя из фундаментальных характеристик технологий ИИ, поставщики таких услуг объективно существуют. Данный термин можно понимать как собирательное понятие, описывающее специфических субъектов ответственности, обладающих следующими признаками:

1. Поставщик услуг генеративного ИИ является именно поставщиком услуг. Исходя из интерактивных характеристик генеративного ИИ, пользователь должен вводить информационные инструкции, на основе которых система генеративного ИИ создает конкретный контент, причем такой информационный обмен может быть многоэтапным. Формально данный процесс больше напоминает получение пользователем услуги по генерации от ИИ, а не приобретение товара.

2. Квалификация того, предоставляет ли поставщик генеративного ИИ услугу или товар, влияет на применение деликтных норм. Если рассматривать контент, созданный генеративным ИИ, как товар, то в соответствии со ст. 1202 ГК КНР и ст. 1095 ГК РФ, при соблюдении условий для применения деликтных норм, производитель или продавец товара будет нести ответственность без вины. Если же рассматривать контент, созданный генеративным ИИ, как услугу, предоставляемую поставщиком услуг генеративного ИИ, то гражданские кодексы двух стран приводят к разным выводам. Согласно ст. 1165 ГК КНР в деликтных обязательствах применяется принцип ответственности за вину: поставщик услуги несет ответственность за причинение вреда гражданским правам и интересам другого лица только при наличии своей вины. Согласно ст. 1095 ГК РФ, в деликтных обязательствах применяется принцип ответственности без вины: поставщик услуги несет ответственность за вред, причиненный вследствие недостатков товаров, работ или услуг, даже при отсутствии вины.

3. К поставщикам услуг генеративного ИИ неприменима ответственность без вины. В настоящее время технологии ИИ всё ещё находятся на стадии развития, и чрезмерно строгая гражданская ответственность не способствует одновременному достижению стратегических национальных целей — стимулированию технологического развития и защиты прав и интересов субъектов гражданского права, — а также не отвечает базовым функциям института ответственности без вины. Фундаментальная характеристика непрозрачности ИИ также обуславливает неприменимость ответственности без вины к поставщикам услуг генеративного ИИ. Эффективность института ответственности без вины предопределяется контролируемостью и предсказуемостью действий для субъекта ответственности. Однако с эволюцией алгоритмов процесс принятия решений ИИ становится все труднее объяснить. Даже неся ответственность

без вины, поставщик услуг генеративного ИИ не может полностью предвидеть и контролировать деликтные риски, связанные с генеративным ИИ. В таком случае возложение на него ответственности без вины явно лишь увеличивает бремя ответственности.

Таким образом, исходя из современного уровня развития технологий ИИ, регулирование деликтных инцидентов, связанных с генеративным ИИ, в Китае и России по-прежнему может основываться на принципе ответственности за вину, установленном в гражданских кодексах обеих стран.

Заключение

В настоящей статье ИИ классифицируется на физически взаимодействующий ИИ и информационно-взаимодействующий ИИ. При этом в будущем законодательстве Китая и России физически взаимодействующий ИИ, обладающий повышенной опасностью, может быть отнесен к источнику повышенной опасности, что позволит применять к нему институт ответственности за деятельность, связанную с источником повышенной опасности. Однако такого рода нормы могут выступать лишь в качестве специальных правил в системе деликтного права, но не могут рассматриваться как общие правила. Что касается обычного физически взаимодействующего ИИ, то к нему могут применяться действующие в Китае и России нормы об ответственности за вред, причиненный вследствие недостатков товаров, работ или услуг причем безвиновная ответственность наступает только при соблюдении условий, предусмотренных для ее применения.

Что касается информационно-взаимодействующего ИИ, например, генеративного ИИ, то, поскольку он причиняет вред исключительно нематериальным интересам правообладателя в результате генерируемого контента и не наносит физического или имущественного ущерба субъектам гражданских прав, в общем случае следует применять принцип виновной ответственности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Захарова О. Н., Епифанцева Т. Ю. Возмещение вреда, причиненного при использовании искусственного интеллекта // Нотариус. 2023. № 2. С. 6—8. DOI: 10.18572/1813-1204-2023-2-6-8.
2. Василевская Л. Ю. Возмещение вреда, причиненного искусственным интеллектом: проблемы и направления развития законодательства // Хозяйство и право. 2025. № 7. С. 3—14.
3. Антонов А. А. Искусственный интеллект как источник повышенной опасности // Юрист. 2020. № 7. С. 69—74.
4. Казанцев Д. А. Деликтные обязательства из действий искусственного интеллекта: проблемы и перспективы правового регулирования // Ex iure. 2025. № 1. С. 98—112.
5. Зырянов И. А. К вопросу о введении киберответственности искусственного интеллекта // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 5. С. 53—58.
6. Василевская Л. Ю. Искусственный интеллект: Проблемы гражданско-правовой квалификации // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2023. № 5. С. 32—40. DOI: 10.17803/2311-5998.2023.105.5.032-040.
7. Василевская Л. Ю. Деликтная ответственность за причинение вреда искусственным интеллектом: проблемы и перспективы развития // Гражданское право. 2025. № 4. С. 2—5. DOI: 10.18572/2070-2140-2025-4-2-5.
8. Горохова С. С. Технологии на основе искусственного интеллекта: перспективы и ответственность в правовом поле // Юрист. 2021. № 6. С. 60—67.
9. Харитонов Ю. С., Савина В. С., Паньини Ф. Гражданско-правовая ответственность при разработке и применении систем искусственного интеллекта и робототехники: основные подходы // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. Вып. 58. С. 683—708.
10. Томашевский К. Л., Киямова Д. И. Применение искусственного интеллекта и связанной с ним робототехники в сфере охраны труда // Трудовое право в России и за рубежом. 2025. № 1. С. 48—52. DOI: 10.18572/2221-3295-2025-1-48-52.
11. Ижаев О. А. Системы искусственного интеллекта и внедоговорная гражданско-правовая ответственность: риск-ориентированный подход // Lex russica. 2024. Т. 77. № 6. С. 23—34. DOI: 10.17803/1729-5920.2024.211.6.023-034.
12. Чемерчев Д. В. Ответственность за вред, причиненный с использованием искусственного интеллекта: проблемы и решения // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2025. № 4. С. 111—117.

13. Линь Хуаньминь. О специальных деликтных правилах ответственности за ущерб, причиненный искусственным интеллектом // Журнал китайского и зарубежного права. 2025. № 2. С. 113—133. (На кит. яз.)
14. Янь Сяньби. Принятие и ограничение косвенной ответственности поставщиков услуг генеративного искусственно-го интеллекта // Юрист (Китай). 2024. № 3. С. 46—60. (На кит. яз.)
15. Ван Ин. Предварительное обсуждение рамок ответственности за ущерб, причиненный алгоритмами // Китайская юридическая наука. 2022. № 3. С. 165—184. (На кит. яз.)

REFERENCES

1. Zakharova O. N., Epifantseva T. Yu. Compensation of damage caused by the use of artificial intelligence. *Notarius = Notary*. 2023;2:6—8. (In Russ.) DOI: 10.18572/1813-1204-2023-2-6-8.
2. Vasilevskaya L. Yu. Compensation of damage caused by artificial intelligence: challenges and legal development areas. *Khozyaistvo i pravo = Economy and Law*. 2025;7:3—14. (In Russ.)
3. Antonov A. A. Artificial intelligence as a source of increased danger. *Yurist = Jurist*. 2020;7:69—74. (In Russ.)
4. Kazantsev D. A. Tort liabilities arising from actions of artificial intelligence: problems and prospects for legal regulation. *Ex jure*. 2025;1:98—112. (In Russ.)
5. Zyryanov I. A. On the introduction of cyber-liability of artificial intelligence. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and Municipal Law*. 2023;5:53—58. (In Russ.)
6. Vasilevskaya L. J. Artificial Intelligence: problems of civil law qualification. *Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina (MGYuA) = Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. 2023;5:32—40. (In Russ.) DOI: 10.17803/2311-5998.2023.105.5.032-040.
7. Vasilevskaya L. Yu. Delictual liability for damage caused by artificial intelligence: problems and development prospects. *Grazhdanskoe pravo = Civil Law*. 2025;4:2—5. (In Russ.) DOI: 10.18572/2070-2140-2025-4-2-5.
8. Gorokhova S. S. Artificial intelligence-based technologies: prospects and liability in the legal environment. *Yurist = Jurist*. 2021;6:60—67. (In Russ.)
9. Kharitonova Yu. S., Savina V. S., Pagnini F. Civil Liability in the Development and Application of Artificial Intelligence and Robotic Systems: Basic Approaches. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki = Perm University Herald. Juridical Sciences*. 2022;58:683—708. (In Russ.)
10. Tomashevsky K. L., Kiyamova D. I. Application of artificial intelligence and related robotics in the labor protection sphere. *Trudovoe pravo v Rossii i za rubezhom = Labor Law in Russia and Abroad*. 2025;1:48—52. (In Russ.) DOI: 10.18572/2221-3295-2025-1-48-52.
11. Izhaev O. A., Kuteynikov D. L. Artificial Intelligence Systems and Non-Contractual Civil Liability: A Risk-Based Approach. *Lex Russica*. 2024;77(6):23—34. (In Russ.) DOI: 10.17803/1729-5920.2024.211.6.023-034.
12. Chemerchev D. V. Liability for harm caused by the use of artificial intelligence: problems and solutions. *Vestnik Vserossiiskogo instituta povysheniya kvalifikatsii sotrudnikov Ministerstva vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii = Bulletin of the Advanced Training Institute of the MIA of Russia*. 2025;4:111—117. (In Russ.)
13. Lin Huangmin. On Special Tort Rules of Liability for Damage Caused by Artificial Intelligence. *Journal of Chinese and Foreign Law*. 202;2:113—133. (In Chinese)
14. Yan Xianbi. Acceptance and Limitation of Indirect Liability for Generative Artificial Intelligence Service Providers. *Jurist (China)*. 2024;3:46—60. (In Chinese)
15. Wang Ying. Preliminary Discussion on the Framework of Liability for Damage Caused by Algorithms. *Chinese Legal Science*. 2022;3:165—184. (In Chinese)

Статья поступила в редакцию 28.02.2026; одобрена после рецензирования 11.04.2026; принята к публикации 13.04.2026.
The article was submitted 28.02.2026; approved after reviewing 11.04.2026; accepted for publication 13.04.2026.